

К вопросу о теодицее К.Н. Леонтьева

26 сентября 2012 г.

Красноперов Дионисий, иерей

Апробационная статья соискателя ученой степени кандидата богословия иерея Дионисия Красноперова посвящена осмыслению темы теодицеи в наследии К.Н. Леонтьева. Публикуется в авторской редакции.

Тема теодицеи, оправдания Бога в отношении допускаемого Им в мире зла очень востребована и популярна среди исследователей леонтьевского творчества. Именно в изъяснении этого вопроса видится нам окончательный ответ на недоумение А.Ф.Лосева об “историческом сатанизме” и “оправдании зла” в творчестве мыслителя. Говоря о неизбежности в жизни страданий и зла, Леонтьев замечает: «все положительные религии, создавшие своим влиянием, прямым и косвенным главнейшие культуры земного шара, — были учениями пессимизма, узаконявшими страдания, обиды и неправды земной жизни»^[i]. Более того: «Горе, страдание, разорение, обиду христианство зовёт даже иногда посещением Божиим»^[ii]

Зло является ещё одним, но отнюдь не необходимым, инструментом управления миром, который “лежит во зле”. “Не мир пришёл Я принести, но меч” [Мф. 10:34]^[iii], говорит Христос. Именно об этом, о двух путях Промысла, и говорит Леонтьев: “Чтобы самаритянину было кого пожалеть и кому перевязать раны, необходимы же были разбойники. Разумеется, тут естественно следует вопрос: “Кому же взять на себя роль разбойника, кому же олицетворять зло, если это не похвально?” - Церковь отвечает на это не моральным советом, обращенным к личности, а одним общеисторическим пророчеством: “Будет зло!” — говорит Церковь”.

Развивая свою мысль, Леонтьев замечает: “все христианские мыслители были тоже своего рода пессимистами. Они даже находили, что зло, обиды, горе в высшей степени нам полезны и даже необходимы; так что христианское мировоззрение с этой стороны можно назвать — оптимистическим пессимизмом”^[iv]. Подтверждение своим размышлениям, Леонтьев находит в творениях Блаженного Августина. Действительно обратившись к наследию этого христианского писателя мы сможем выяснить для себя один из источников леонтьевского учения.

Блаженный Августин в своём трактате “О порядке”, говоря об устройении мира предупреждает: “постигнуть и разъяснить тот общий порядок, которым держится и управляется мир, дело весьма трудное и редко осуществимое”. “Порядок есть то, посредством чего Бог управляет всем”. И критик, не постигший общего замысла, но рассуждающий о ценности или целесообразности того или иного элемента структуры впадает в грех осуждения и даже хулы на самого Творца. “Разве виноват художник в том, что его критик не в силах воспринимать его мозаичные работы, сливающиеся во всей своей совокупности в одно прекрасное целое? Но ведь именно это и происходит с теми недалёкими людьми, которые не будучи в силах своим слабым умом объять всю совокупность и гармонию вещей, если что-нибудь причиняет им вред, и, по их мнению, этот вред велик, считают, что и во всём мире царит великая мерзость”^[v] — вопрошает Августин. Таким образом красота у Августина неразрывно связана с Божественным порядком. В этой упорядоченности и проявляет себя Бог.^[vi] Само это единство совершеннее и прекраснее любой из своих частей. В величественном порядке, воздвигнутом Творцом, всё находит применение, обретает смысл, служит общему замыслу. И даже зло, трактуемое Августином как лишь “недостаток добра” выступает фоном, на котором, по закону контраста, выгоднее, рельефнее оттеняется добро. “Именно идея порядка навела Августина на открытие интересной структурной закономерности красоты — закона оппозиции, аналогию которому он усмотрел в упорядоченном функционировании добра и зла в общественной жизни”^[vii]. Наблюдая за явлениями природы, общественной и личной жизни человека, Августин приходит к выводу, что в их организации определяющую роль играет закон контраста, оппозиции. Так мы видим, что через идею единства мира, как универсума, Августин приходит к пониманию красоты, организованной по закону контраста.^[viii] Подобного рода построения дали возможность Е.Н.Трубецкому видеть в “отождествлении порядка или единства с абсолютным благом заключается основное заблуждение системы Августина”^[ix] а саму теодицею Августина характеризовать как “антигуманную”.

Леонтьев вслед за Августином видит в красоте отражение Божественного установления, а в контрасте составляющих элементов — гармонию, но воспринимает эту гармонию не как моральный закон, а как эстетический феномен. “...Поэзия земной жизни и условия загробного спасения — одинаково требуют не

сплошной какой-то любви, - считает Леонтьев, - которая и невозможна, и не постоянной злобы, а, говоря объективно, некоего как бы гармонического, в виду высших целей, сопряжения вражды с любовью.- <...> Это гармония, примирение антитез, но не в смысле мирного и братского нравственного согласия, а смысле поэтического и взаимного восполнения противоположностей и в жизни самой, и в искусстве”.^[x] Подводя итог Леонтьев произносит окончательный приговор либеральной гуманности, которая “хочет стереть с лица земли ... полезные нам обиды, разорения и горести”, — что привело бы к “воцарению” среднего европейца — человека, который является идеалом и орудием всемирного разрушения, человека, о котором сказано в Апокалипсисе: “Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих” [Откр. 3:16] <...> В этом отношении христианство и гуманность можно уподобить двум сильным поездам железной дороги, вышедшим сначала из одного пункта, но которые вследствие постепенного уклонения путей, должны не только удариться друг об друга, но даже и прийти в сокрушающее столкновение”.^[xi]

В свете вышеуказанных рассуждений становится понятным, что Леонтьев говоря о зле, не касается личного, персонального греха, а размышляет о месте зла в мире, о его месте в космологии, говорит о том, что и зло может служить для исправления человека. Согласно учению Церкви, зло вошло в мир через человека, по его воле и каждый лично для себя может отказаться от него, преодолеть. Впустив зло в мир, человек становится его заложником и, в конце концов, встречается со смертью, которая является закономерным следствием грехопадения. Таким образом, человек пожинает плоды собственного волеизъявления. Боговоплощение есть спасение, но отнюдь не избежание телесной смерти, которая, как и всё зло сохранится до конца времён.

Подводя итог, отметим, что для Аврелия Августина порядок и единство являются свидетельством наличия Божества, а хаос — его отсутствия. Для Леонтьева, зло является не только орудием Промысла, но и началом, которое способно привести добро и зло к одному знаменателю. Это активное начало, которое нарушает красоту, порядок путём нивелировки добра и зла в мире. У Августина Бог представляется ограниченным собственным установлением — порядком, который в этом случае является лишь Его манифестацией. Леонтьев уходит от основного противоречия Августина: отождествления порядка с благом. Для Леонтьева, красота материи, порядок есть лишь отражение в кривом зеркале падшего мира, порядка Божественного. Поэтому красота — обречена в этом мире. Искажённая грехопадением человеческая природа не в силах вместить всю красоту замысла Творца.

ПРИМЕЧАНИЯ

[i] Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г. Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В. И. Косика. — М., 1996. [Далее - ВРС, 1996] С. 292. О христианском “оптимистическом пессимизме” см. также: Дугин А.Г. Футурология как эсхатология // Конец света. М., 1998. С. 5-10.

[ii] ВРС, 1996. С. 324. В другом месте в подтверждение этого положения, Леонтьев ссылается на Жозефа де Местра: “Множество справедливых Господних наказаний совершается посредством самых возмутительных несправедливостей человеческих! Это сказал один католический писатель, но я полагаю, что и Православная Церковь согласна с этим?— А впрочем — не знаю!” Леонтьев К. Н. Моя Исповедь // ПСС. Т.6. Кн.1. Воспоминания, очерки, автобиографические произведения. — СПб., 2003. С. 306. Вообще вопрос о влиянии Местра на творчество Леонтьева вопрос крайне любопытный и заслуживает отдельного рассмотрения. Именно Ж. де Местр писал о революции, что она сама по себе являясь безусловным злом, в тоже время есть орудие Провидения, посредством которого наказываются все те, кто стояли у её истоков, тем самым революция не только “пожирала своих детей”, но и имманентно саморазрушается в процессе актуализации. “... Не существует наказания, которое не очищает; не существует беспорядка, который ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ не обращает против злого начала. Сладостно посреди общего расстройтва предчувствовать промыслы Господни”. Местр Жозеф де. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 53. На рассуждение Местра о пользе войн, у Леонтьева находим близкую мысль: “... вывести насилие из исторической жизни это то же, что претендовать выбросить один из основных цветов радуги из жизни космической...” /Памяти К.Н.Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 275.

[iii] Касаясь символики меча обоюдоострого, который в православной традиции воплощен в кадуцее — посохе архиерея, напомним, что Архиереем, является и Сам Агнец Божий — Иисус Христос.- Посох — символ власти, господства, а две змеи, обвившиеся вокруг кадуцея, олицетворяют два пути Промысла. “По сути, речь здесь всегда идёт о двойственной силе, единой по самой своей сущности, но разного действия во внешнем проявлении, что обусловлено “поляризацией”, как последняя обуславливает на различных уровнях все степени и все модальности универсального проявления”. Генон Р. Символы священной науки. М., 1997. С. 206.

[iv] ВРС, 1996. С. 316.

[v] Августин Аврелий. О порядке // Августин Бл.. Энхиридион или о вере, надежде и любви. Киев, 1996. - С. 98, 120, 99.

[vi] В этой связи вспоминается фраза Данилевского, которую так любил цитировать Леонтьев: “Красота есть единственная духовная сторона материи — следовательно красота есть единственная связь этих двух основных начал мира”.-

[vii] Бычков В.В. Aestetica Patrum. М., 1995. С. 364.

[viii] У Леонтьева: “Основной же общий закон красоты есть, как известно, разнообразие в единстве (добровольно или более или менее насильственно — это при подобном взгляде вопрос второстепенный); будет разнообразие — будет и мораль, конечно, не всепоглощающая, как нынче хотят, а восполняющая, коррективная, а не сплошная, которая и не возможна. Ибо даже всеобщее равноправие и равномерное благоденствие если бы и осуществилось на короткое время, то убило бы всякую мораль. Милосердие, доброта, справедливость, самоотвержение — всё это только тогда и может проявляться, когда есть горе, неравенство положений, обиды, жестокость и т.д... <...> ” Леонтьев К. Избранные письма. СПб., 1993. С. 393-394. Следующий шаг — утверждение принципа субстанциональности зла, озвученное его воплощением в известной книге: “что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? ... бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?” Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Минск, 1988. С. 632, но именно этой грани Леонтьев никогда не переступал.

[ix] “Исходя из указанного нами принципа, Августин не мог создать глубокой христианской теодицеи, ибо на самом деле универсальный порядок, как он является на низших ступенях творения, в природе, — есть естественный закон без всякого нравственного элемента. Предполагая в этом законе этическое содержание, признавая его за благо, Августин тем самым возводил в идеал тот несовершенный порядок природы, в котором мировое зло не побеждается внутренне, а лишь подчиняется внешним образом единому порядку вселенной, в котором зло не упраздняется, а только упорядочивается. Ложный супранатурализм превратил для него природу в нравственный порядок”. Трубецкой Е., кн. Религиозно-общественный идеал Западного христианства в V веке. Часть I. Мирозозерцание Блаженного Августина. М., 1892. С. 72, 73.

[x] ВРС, 1996. С. 316, 323.

[xi] ВРС, 1996. С. 324. (Именно эта трагедия и случилась на наш взгляд с Л.Н.Толстым и всей “толстовствующей” русской интеллигенцией в 1917). Именно о роковом головокружительном сближении этих двух “локомотивов истории” пытался сказать о.П.Флоренский в статье “Около Хомякова”, характеризуя начала “иранства” и “кушитства” в историософии А.С.Хомякова. См.: Флоренский Павел, свящ. Соч. в 4-х тт.. М., 1996. Т.2.

[Философия, Русская религиозная философия](#)

Ключевые слова:

[Философия](#)

См.также:

[«Духовный реализм» и «духовный формализм» \(Заметки с юбилейной выставки картин М.В.Нестерова\)](#)

[«Идеал Христов» в подтексте образа «прекрасного героя» Ф.М. Достоевского и М. Булгакова \(князь Мышкин - Иешуа Га-Ноцри\)](#)

[Проникновение арабской культуры на Запад](#)

[Нравственный идеализм Достоевского \(ответ прот. Г.Флоровскому\)](#)

[«Под звуки Орфеевой арфы...»: о преемственности в богословии Хомякова, Достоевского и митрополита Антония \(Храповицкого\)](#)

[Влияние "Божественной комедии" Данте на формирование римо-католического догмата о чистилище](#)

[Краткая история «промысла» от Платона до Максима Исповедника](#)

Портал [Богослов.Ru](#)

АНО "ЦИТ МДА".

Смотрите канал портала на [YouTube!](#)

Все права защищены 2007-2013. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-46659 от 22.09.2011

При копировании материалов с сайта ссылка обязательна в формате:

Источник: Портал Богослов.Ru.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Редакция открыта к сотрудничеству и готова обсудить предложения.

